

Spook-FM

Станислав Шульга

Серый клин дороги врезается в темнеющий горизонт. Белые полосы разметки начинают пульсировать светло-желтым ритмом ярких точек на невысоких столбиках обочины. Бензоколонка по правую сторону шоссе загорается сине-красным неоном, очерчивающим стеклянное здание. Время скоро остановится, но окончательная точка в маршруте уже мигает на небольшом экране GPRS-навигатора. Лента хайвея заворачивает налево. Второстепенная дорога упрямо ведет к горизонту. Невысокие, аккуратные домики из красного кирпича обволакивает тьма и темно-красные фасады загораются теплыми огнями. Он сбавляет газ при пересечении городской линии. На улицах ни души.

Европейская глубинка погружается в дрему.

Второстепенная упирается в небольшую парковочную площадку, где красный знак STOP на высоком белом столбе обозначает спуск к морю. Водитель останавливает машину, но не глушит двигатель.

Горизонт почти утонул во мраке. Там, за знаком лестница из бетонных блоков, ведущая на пустынный пляж. Двести метров песка между ним и Северным морем. По тонкой линии между тьмой воды и тускнеющим небом едва различим контур сухогруза. Водитель разворачивается и берет курс на небольшой бунгало-комплекс, приютившийся на склонах прибрежных холмов.

"Мертвый сезон". Ветер разносит по пустой стоянке белое крошево мелкого снега. Двигатель замолкает. Только порывы ветра оставляют и далекий прибой время от времени разрывают желто-серое безмолвие. Он застегивает просторную куртку и открывает заднюю дверь супервана. Большая спортивная сумка, заполненная футболками, нижним бельем, парой свитеров и джинсов. В отдельном пакете - бритвенный набор и полотенца. Рядом с ней стоит тяжелый металлический кейс, содержимое которого стоит пары домиков в этом бунгало. Он ставит кладь на асфальт и закрывает дверь. Тихо пищит сигнализация автомобиля. Он берет сумку и кейс в руки не спеша идет к своему домику.

Досье на эту пару прилагалось к общему описанию бунгало в Кибернетическом Глобусе. Молодая малазийская пара работала здесь уже пятый сезон. Муж исполнял обязанности дворника и механика-наладчика всех систем обеспечения, включая информационные, а также парка роботов. Жена наводила порядок в домах и заведовала полуавтоматической кухней. В сезон к ним присоединялось пять-шесть таких же шустрых азиатов. Неофициальные источники говорили о том, что пара подрабатывала и на ниве секс-услуг, причем довольно широкого спектра. Оба были бисексуалами, что открывало массу вариантов для любителей развлечься. Глядя на миловидное лицо малазийки, которая пришла дать ему ключи от его дома, он попытался представить какое тело скрывается под мешковатой зимней курткой.

Фонари на невысоких столбиках включались перед ним, указывая дорогу и гасли за его спиной. Он поднялся на небольшой пригорок и шум моря приблизился, оттеснив тишину. Дом стоял последним в ряду. Завтра утром он узнает насколько виртуальный образ открывающегося из окон вида соответствует действительности.

Ключ в старомодном механическом замке провернулся два раза и едва он ступил на порог, зажегся свет в передней. Прохладная и безличная свежесть чисто убранных апартаментов. Дом без души, временное пристанище для людей издалека. Стандартная планировка - две уютные спальни, огромная гостиная, совмещенная с кухней, санузел и просторная кладовка для спортивного инвентаря. Летом сюда приезжали туристы-серферы.

Он стянул ботинки в прихожей и поставил кладь у входа в гостиную. После восьмичасового перегона хотелось принять душ и отдохнуть.

Е-0, «нулевка», Магистраль. Три главных коридора трансконтинентальной транспортной сети, пересекающей Европу и Азию. На всем протяжении от Пекина до Лиссабона Магистраль была десяти полосной автодорогой, но на некоторых участках к шоссе добавлялись скоростные поезда и воздушные коридоры для авиавто. Но не скорости и пассажиропотоки делали Магистраль тем, чем она была.

Транспортные полотна и узлы Магистралей окружала так называемая «стометровка» - по пятьдесят метров от каждой обочины. Отчужденная земля, на которую распространялся особый юридический режим. Здесь не действовали законы государств и только Единый Транспортный Кодекс имел юридическую силу. На «стометровке» гроздьями висели автомастерские, закусочные, дешевые мотели, магазины. Через несколько лет после введения особого режима Магистраль стала государством в государстве со своими писанными и неписанными законами. Подчас на узкой полосе стояли целые города. Магистраль породила несколько архитектурных стилей. Здесь можно было найти как изысканные проекты от архитектурных гениев современности до призраков Коуллуна. Словосочетание «город-стена» опять обрело смысл.

«Население» Магистралей было пестрым, как и во всякой большой стране. Правда, оно делилось на две большие категории. Тех, кто пользовался «нулевкой» как дорогой и тех, кто жил здесь месяцами, а подчас и годами, не пересекая турникет нейтральной зоны.

Большой палец правой руки отбивает чечетку на пульте управления телевизора. Каналы мельтешат, оставляя в сознании цветную ленту из беспорядочных, смазанных образов и звуков. Левую ладонь холодит бутылка "Туборга" и он выдерживает медленный ритм, понемногу отпивая содержимое. Сегодня он вымотан и лучшее средство для того, чтобы отключить мозг - это пара бутылок пива и беспорядочный серфинг по медийным каналам Сайберглоба.

Завтра будет завтра. Начало зимы и финишной прямой. Он не знает сколько времени проведет в этом бунгало, пока он зарезервировал этот домик на месяц полного пансиона. Может он закончит раньше, а может быть позже. Неважно. Он сжег мосты и все, что держало его в прежнем ритме жизни. Пепел этих мостов теперь осел на кредитке Visa. На эти деньги он сможет жить здесь год. Даже больше. Если, конечно, в этом будет необходимость.

Палец перестает отбивать чечетку на пульте управления и комнату наполняет ненавязчивый амбиент-саунд. С трудом открыв глаза он видит медленный хаос из архетипов, смысл которых путается с обрывками из полуснов, в которых разметка дороги путается с образами из кластеров Шельфа.

Эрика стояла около черного супервана Mercedes. Правой рукой она держала ляжку большого рюкзака, лежавшего на асфальте «нулевки», а левой рассеяно чесала копну ярко-красных волос. Водитель супервана устало смотрел на нее из-за опущенного окна машины.

- Я уже два раза сказал «нет».
- Да!
- Я не хочу ехать через Берлин. Мне нужно в Штутгарт.
- Ну пожалуйста!
- Попроси ребят, может кому-то по пути.
- Грач, я хочу поехать с тобой! Ты самый классный!

Она улыбнулась так искренне, что он ухмыльнулся в ответ. Придется, конечно сделать крюк, но

что поделаться с этой девчонкой. Она была ровесницей его старшей дочери и вела себя с ним почти как с отцом.

- Ладно, прыгай.
- Ура!!!
- Давай наперед, а я пойду кофе возьму. Тебе что-то взять?
- Не, не надо! - крикнула Эрика и с шумом забралась на переднее сидение. Вытащив ноут и «стекла» она уже было хотело подружиться к сети, но тут ее внимание привлек странно одетый человек.

Коричневая демисезонная куртка выглядела нелепо в жаркий летний день. Как и ярко-зеленая зимняя шапочка, натянутая на самые уши. Комплект несуразностей дополняли джинсы-обрезки и новые, только из магазина кроссовки. Их белые подошвы, еще не припорошенные дорожной пылью, так и сияли на солнце. При всей нелепости гардероба, магистральщики, которые тусовались на площадке, встречали этого чудака приветливо. Они хлопали его по плечу, улыбались, некоторые обнимали и незаметно совали в карманы широкой куртки купюры. Эрика распаковала свое добро и начала серфить по кластерам, время от времени поглядывая на этого чудака.

Грач вернулся через несколько минут с двумя стаканами кофе и парой горячих сосисок в тесте.

- Я же говорила не надо ничего брать.
- Ага, потом будешь у меня цупать из стакана, знаю я тебя.
- Ну ладно, спасибо! Слушай, а что это за клоун не знаешь? - спросила Эрика.
- Где? - откликнулся Грач, - А... знаю. Это, скажем так, талисман.
- Что, это какой-то сбежавший робот?
- Нет, человек. Его зовут Джелик. Он бродяга, слоняется по Магистрале. Правда, бродит он по большей части летом и ранней осенью. Когда приходят холода, обычно он устраивается в какую-нибудь забегаловку на работу. Говорят, что если незаметно сунуть ему деньги, то в следующем рейсе тебе будет сопутствовать удача.
- Ты в это веришь?
- Нет. Я верю в двоичный код и мировой заговор.
- Он выглядит как бомж.
- Технически он и есть бомж - человек без определенного места жительства. Но не так все просто, милая.

Джелик направился в сторону их машины. Эрика внутренне сжалась, ожидая что от бродяги будет нести воню. Ведь он, наверняка, не снимал эти вещи уже несколько недель. Но вопреки ожиданиям, от него ничем не несло. Он подняла глаза и увидела широкую и очень добрую улыбку. Промелькнула мысль, что так улыбаются только идиоты, но потом он встретилась с ним глазами. Умные, внимательные и веселые. Кто бы он ни был этот человек, с мозгами и манерами у него все было в порядке. Джелик поднял руки в приветствии. Когда он отошел достаточно далеко, Эрика спросила:

- Кто он?
- Я же сказал - бродяга, приносящий удачу.
- Нет, кем он был? Почему он стал таким?
- Милая, ты первый день на Магистрале? - Грач провернул ключ и двигатель заревел. - Кем бы он ни был, он уже не тот и давай не пробивать его по сети.
- Но мне интересно!

Грач ничего не ответил. Он крутанул ключ зажигания и снял машину с ручника. Суперван рванул с места так, что Эрику резко вдавило в сидение. Она с укором посмотрела на Грача пристегнула ремень. Суперван, набирая скорость и, выкатился на трассу.

Он просыпается от мелодичных перезвонов мобильного телефона. Половина седьмого. Мягкая трель будильника, отзвук недавнего прошлого. В это время он обычно вставал, чтобы провести

утренний ритуал, рассчитанный по минутам. Душ, завтрак, жужжание механической бритвы, повязывание галстука поверх свежей сорочки, два щелчка автоматической системы запираения дверей. Восемь часов в стальном муравейнике офисного центра. Все это осталось там, в прошлом, которое теперь кажется рассказом из чье-то чужой жизни. Он подымается и подходит к окну.

За стеклянной стеной бушует ярость северного океана. Ветер гонит к берегу волны, которые растворяются в песке пустынного пляжа. Яркое солнце восходит где-то на другой стороне. В комнате тишина. Плотные стеклопакеты на всю высоту не пропускают звука и на миг ему кажется, что он опять заперт в офисе. Он рывком открывает дверь и холодный ветер хлещет его по лицу, срывая остатки утренней дремы...

Когда он вышел из душа, передвижной столик с завтраком уже стоял в центре комнаты. Это было старомодно - всю еду мог сделать бытовой фудпринт, но таковы были традиции гостиницы - встретить гостя "по-человечески". стакан холодной воды, тосты, два вида мягкого сыра и нарезанная тонкими ломтиками ветчина. Кофе в черном термосе, большая чашка с картой страны на матовой поверхности. Наскоро переодевшись, он принимается за трапезу.

- Перестань.
- Что перестать?
- Пробивать его в сети.
- Я успела его сфоткать! Смотри, какая интересная татуировка у него на запястье.

Грач перевел управление на автопилот и посмотрел на экран ноута. Татуировка действительно оказалась любопытной. Большая часть ее была скрыта браслетом часов, но того, что оставалось снаружи было достаточно, чтобы понять из чего она состояла.

Набор цифр. Двоичный код из единиц и нулей, переплетавшихся в изысканный узор.

- Сколько раз тебе говорить?
- Ну ладно! - Эрика демонстративно захлопнула футляр, - Чего ты боишься? У этого чудака что, длинная история болезни?
- Уважай частную жизнь. Люди приходят на Магистраль не только за деньгами. Некоторые уходят от своего прошлого...
- Опять понеслась! Хоть ты мне перестань лекции читать! - она спрятала планшет в рюкзак.

На этот раз она обиделась всерьез.

Эрика Мортон была вторым ребенком в семье русского олигарха Карелина и американской модели шведского происхождения Кристины Мортон. Она обожала мать, любила, но временами побаивалась отца, считала сестер лучшими подругами, а сводного брата ненавидела всеми фибрами души.

Карелин-младший был из тех самых испорченных мажоров-засранцев, которых с детства баловали вниманием со всех сторон. К тому же он считал, что "шведка" "разбила семью" и не упускал возможности напомнить ей об этом. Когда он приезжал в их дом, Маргарет и Эрика становились предметом его насмешек. Кристина, происходившая из старого рода шведских аристократов, просто игнорировала его. Единственная, кто из Мортонов активно противостоял его агрессии была старшая сестра, Энджел. Два раза дело даже доходило до драки, причем оба раза братец получал по щам. Наверное, поэтому он единственный, кто не плакал на ее похоронах.

Она разбилась в автокатастрофе на трассе Марсель-Париж. Для Эрики это стало концом детства. Любимая старшая сестра, всегда веселая и уверенная в себе, ушла навсегда.

Отчаяние, гнев, торг... она не прошла все фазы и отказалась принимать новую реальность. Подростковая безалаберность сменилась на фанатичные поиски средства, которое могло бы вернуть к жизни старшую сестру. Она сутками сидела в сети, когда поняла, что даже в Шельфе ей не найти необходимого, ушла на Магистраль.

Ее первое бегство на трассу добавило седых волос и без того разбитой горем Кристине. Карелин сразу понял, в чем дело и отказался от прямых попыток приструнить дочь силой. Характером она пошла в него и он понимал, что в лоб ее не взять. Вместо этого он приставил к ней слезку, которая пасла юную бунтарку, не давая вляпаться в серьезные проблемы. В те дни, когда она возвращалась домой, он рассказывал ей о своей суровой юности, которая прошла в Набережных Челнах. После этих разговоров Эрика стала осваивать шотокан. Через год к ее отлучкам на Магистраль привыкли и перестали относиться к поискам средства воскресить сестру. Привыкли к ней и на Магистрале, где она сумела стать своей. За рыжие волосы и жесткий не по годам характер ее прозвали Медным Гвоздем.

Единственный, кто воспринимал ее намерения всерьез, был ее сводный брат. Он приставил к ней свою слезку. Ходили слухи, что он даже нанял гейткиперов. Чутье его не подвело. За несколько дней до своего совершеннолетия Эрика выкрала из фамильного особняка в Стокгольме генетический материал погибшей сестры. Карелину, которому шведские родственники всегда представлялись лишними, перехватил ее и уничтожил генетический материал.

Она не скандалила и не устраивала истерик. Проигрыш стал для нее уроком, который она запомнила на всю жизнь.

Чашка кофе пуста. Суровый пейзаж за окном потускнел. Время приниматься за работу. Время начать то, зачем он приехал в эту глушь.

Небольшой металлический кейс стоит на мягком покрытии пола. Он смотрит на журнальный столик и понимает, что места для развертки не будет. Он садится на пол и открывает стальные защелки.

Внутри лежал стандартный набор оператора дополненной реальности. Раскладывающаяся сенсорная основа - в просторечии "коврик", которая будет ограничивать зону управления, широкие "стекла" - очки виртуальной реальности, высокочастотные аккумуляторы. Последний компонент обычно не входил в набор. Прямой нейпоинтерфейс с "активным стержнем". "Нимб". Тонкая стальная дуга, плотно охватывающая голову, с тремя "шурупам". Он повертел "нимб" в руках, положил на столик и одел очки.

На фоне скромной обстановки возникло виртуальное рабочее место. Одна из его любимых сборок, стилизованная под офисное рабочее место конца 90-х прошлого века: "кубик". Ему нравилась противоречивость такой организации пространства. С одной стороны, вроде как ты изолирован, имеешь свою территорию, но стоит тебе поднять задницу и все, вокруг тебя опять муравейник таких же как ты. Иллюзия как уюта, так и коллективизма. Такие офисы-соты уже стали редкостью.

Старая клавиатура, стаканчик с карандашами около небольшого монитора. Два кактуса. Три поддона для бумаг. Так выглядело его самое первое рабочее место. В те времена, когда мир казался большим и добрым.

Будильник, завтрак, галстук, путь на работу. Работа-обед-работа. Опять дорога домой. Его жизнь в провинциальном городке внешне мало чем отличалась от жизни типичного "офисного планктона". Попытки взобраться по карьерной лестнице он предпринимал только ради дополнительных денег и возможности перебраться в столицу. Та жизнь, которую он считал

настоящей, начиналась после пяти вечера, когда добирался до своей однокомнатной квартиры на окраине. Там он становился самим собой.

Он писал сценарии и создавал "виртуальных актеров", интерьеры и декорации, где монтировал фильмы с их участием. Он часами сидел в профильных кластерах, обсуждая последние новости синемарта и аниматронов. Спал по пять-шесть часов в сутки, выкладываясь как на работе, приносившей ему деньги, как и за увлечением, которое считал своим настоящим призванием.

Еще одна вещь, которой он овладел в совершенстве - прятать свою двойную жизнь. В той консервативной среде, где он работал, кукольничество и синеарт считались балаганом, низким искусством. Если бы на работе открылось то, что он занимается подобными вещами, то скорее всего он бы вылетел со своего места.

Но он делал успехи и его стали замечать местные любители синемарта. Это было одновременно и хорошо и плохо. Он стал уверенней в себе и укрепился в том, что талантлив и заслуживает большего. С другой стороны - повышался риск того, что об этом узнают его сослуживцы и начальство.

Когда он, наконец, получил повышение и перевод в столичный филиал, то в первую очередь почувствовал облегчение.

Треск в динамиках прервал веселую британскую попсу на втором куплете. С полминуты песня вяло сопротивлялась хаосу помех, но была окончательно разорвана треском. Грач потыкал в кнопку мягкой настройки, пытаясь нащупать сбежавшую волну, но треск не прекращался. Тогда он включил автопоиск. Приемник, упершись в конец диапазона, так ничего и не выдал. Эрика поморщилась:

- Выруби его совсем...

Грач нажал на кнопку питания. Тщетно, колонки продолжали выдавать какофонию из писка, шума и треска. Он стукнул по приемнику рукой. Эрика недоуменно уставилась на него.

- Сломался?

Грач ничего не ответил. Он смотрел на дисплей приемника, на котором было пять нулей и почти насмешливое FM в конце. И тут, сквозь беспорядочный шум эфира стал пробиваться колокольный звон. Это были не церковные переливы. Монотонные удары, отсчитывающие чье-то время, неумолимые и настойчивые. Неумолимый ритм смял хаос помех и к ним присоединилась неспешная партия электрогитары. Ритм, вначале медленный, постепенно ускорялся. Как внедорожник, набирающий скорость, он становился все быстрее и жестче. И вот, наконец прорезался вокал. Голос, сдавленный и одновременно мощный, вырывался из динамиков тягучей гневной энергией.

- Что это за волна?

Грач молчал. Он смотрел на дисплей приемника. Перед самым финалом песни вместо пяти нулей появилось слово из пяти букв перед обозначением станции.

Spook-FM.

Переезд в столицу изменил многое. Быт, времяпрепровождение на выходных, круг знакомств. Столица изменила многое, но не изменила главного - его двойная жизнь осталась прежней. Он по-прежнему скрывал от сотрудников свои увлечения, а бывая в кругах синемастеров старался не говорить где и кем работает. Но самое главное было не это.

После переезда он с удвоенными усилиями стал работать над новыми эпизодами и расширением круга знакомств на сцене синеарт. Он активно тусовался в реале и кластерах Шельфа, но несмотря на все это за год его аудитория почти не выросла. Он пробовал разные форматы, активно обсуждал чужие работы и ходил на всевозможные мероприятия. Он лез из кожи вон, но все это было похоже на бег на месте. Число подписчиков его кластера колебалось в районе тысячи, что было более чем скромно и практически не приносило денег.

Да, то есть какие-то деньги кластер приносил, но этого едва хватало на покрытие его аренды и закупок нужных медиа-фрагментов. Жить на эти гонорары было нельзя. Он не мог позволить себе полностью уйти в творчество, оставив опостылевшую работу.

После разговоров с ребятами из тусовки он в очередной раз убедился в том, что мало что-то сделать. Продать сделанное, это отдельная наука. Он стал заниматься поомоушеном и даже полгода оплачивал услуги агента, экономя на всем и вкладывая в раскрутку максимум того, что он мог вложить. Но то, чего ожидалось, так и не произошло. Прирост аудитории был мизерным и чаще колебался в районе нуля. В те месяцы он как ребенок радовался каждому новому зрителю. Рвал и метал тогда, когда кто-то уходил. Бывали дни, когда он просматривал статистику кластера каждые пятнадцать минут. Он бился как рыба об лед. И вот однажды состоялась встреча, которая изменила все.

- ...Неизбежность. То, чего не миновать, не обойти, не переморгать, заткнув нос и уши. Придется. Хлебнуть по полной, не морща нос и не закрывая глаз. Вопрос не в том, как избежать, а как принять то, миновать не получится. Оставим пафос. Первое - вы не сможете выключить это радио. Второе - рано или поздно вас опять перекинёт на вашу любимую мармеладную станцию. Что вы будете делать - терпеть или думать - дело ваше. Мне на это начхать. Добрый вечер, в эфире радио Spook-FM".

Песня начинается с плавных переливов сологитары навевают дрему. Вступление длинное, слегка затянутое. Фронтмен не поет, он говорит. Он говорит о войне. О тех минутах, которые предшествуют бою. Он говорит мыслями солдат, сжимающих автоматы в руках. Их магазины полны смерти, которая сегодня придёт к тем, кто ждет боя по ту сторону линии фронта. Сомнения, молитвы, воспоминания. Скоро все станет прошлым. Мысли уйдут, потому что потом надо будет выживать и убивать. И те, кто будут колебаться, умрут первыми. Сологитары и ударник врываются бешеным ритмом автоматных очередей и систем залпового огня.

Автопилот вел суперван в третьем ряду шоссейного полотна Магистрала. Дорога вела на запад и Грач включил автотонирование лобового стекла. Он сложил руки на животе и прикрыл глаза. Эрика с нескрываемым раздражением смотрела на дисплей радиоприемника.

- Это точно нельзя выключить?
- Нет, нельзя, - ответил Грач, не открывая глаз.
- Да ну нафиг! Ты что - серьезно? Это что за бот такой, что ты его не можешь вырубить.

Грач открыл глаза и приподнялся в кресле.

- Его имя - Хайт. Блуждающий искин. Хостится на свободных ресурсах Магистрала, иногда селится в автомобилях. Временно поражает систему управления и переключается на радиоприемник. Иногда просто хакает модуль внешнего канала связи и вещает через него. И так уже лет пять.
- Такой хрени полно и ее регулярно вычищают дорожники. Почему его до сих пор не подчистили?
- Он сделан немного сложнее чем рекламные боты, те кого отлавливают через пару недель после запуска в сеть. В его основе - киберклон.
- Еще проще. Снять профиль, найти хозяина и написать контр-протокол.
- С этим проблема. Установить хозяина так и не удалось. Клона сняли частично, а потом скопированную часть психопрофиля "уничтожили". Переписали заново или что-то подобное.
- Звучит как ампутация конечности.

- Да, что-то вроде того. К тому же он популярен у навигаторов и кто-кто его хорошо крышует и апгрейдит.

- Как можно быть популярным с треками которым сто лет?

- Не сто, ты перебарщиваешь. И вообще замкни на пару минут, - он опять закрыл глаза.

- ...Вы знаете почему кричат новорожденные? Говорят, что это кричат души тех, кто вернулся в этот мир. Они кричат, потому что не хотят пройти это снова. Воспоминания о прошлой жизни все еще довлеют над ними и они кричат о того, что не хотят повторить это путь снова. Беспомощные, оказавшиеся в чужих руках. Потом воспоминания гаснут и новая память наслаивается, образуя новое сознание и личность. И лишь слабые проблески дежа-вю иногда говорят им, что все вокруг это не в первый раз...

Первые аккорды гитары вспарывают пространство короткими разрезами. Потом вступает ударник. Палочка со свистом рассекает воздух и смачно вмазывают по упругой коже, выколачивая вязкие звуки из тугого барабана. Один, два, три. Однорукий ударник бьет как в последний раз. Гитара продолжает рвать воздух, открывая дорогу вокалисту. "... Looking like jam, like a videogame. Demolition woman, can I be your man?" Ударник уходит на второй план, снижая силу удара, уступая место басу и второй сологитаре, торопливо рассыпающей звук. Разухабистая песня набирает темп. "Pour some sugar on me in a neme of luv!"

"Уровень ваших амбиций не соответствует уровню ваших возможностей".

"Я знаю, у меня не слишком крупный бюджет на продвижение".

"Вы преувеличиваете значение денег в этой сфере. Да, откровенные бездарности, но с хорошим бюджетом могут пробиться наверх, но они там не удержаться долго. Это краткосрочные бизнес-проекты, рассчитанные на быструю отдачу. Но потом о них никто не вспоминает. То, что остается на долго требует таланта".

"Я бездарен?"

"Нет, никоим образом. Но то, что вы делаете, рассчитано на узкий круг любителей. Это, безусловно, интересные и талантливо сделанные вещи, но если вы будете продолжать в том же духе, то никогда не переступите порог, за которым начинается рентабельный продукт".

"Идти на поводу у вкусов толпы, опускаться до них? Я наоборот, должен поднять планку! Я должен совершить переворот, который изменит тренды, в том числе и сделав массовый синемарт высоким жанром! Его незаслуженно считают низким искусством! Я хочу доказать обратное!"

"Вы только что сделали сразу несколько крупных ошибок. Вы проявили неуважение к аудитории, назвав толпой. Если вы не любите своего зрителя, то никогда не сделаете что-то действительно стоящее. Вы назвали синемарт низким искусством. На самом деле это не так. В этой консервативной стране он все еще считается балаганом, хотя уже несколько лет является мейнстримом в глобальных городах Европы и Азии. И вы еще раз показали свои завышенные амбиции. Вы не тот, кому по силам менять тренды".

"Зачем вообще мы встречаемся?"

Вместо ответа собеседник достал смартфон и полминуты колдовал над экраном. После чего завибрировал уже его телефон. Банковское извещение говорило о шестизначной сумме.

"Как?... Вы?..."

"Вы спросили зачем мы разговариваем. Я рассчитывал на более длительную беседу, возможно, сотрудничество. Но в вашем голосе слышу нотки гнева. Я вижу неадекватную оценку своего места и окружения. Вы еще не готовы к тому разговору, который заинтересовал бы меня всерьез. Для начала нужно посмотреть на мир без очков"

"Но почему вы дали мне настолько крупную сумму?"

"Насколько я знаю до безусловного универсального вам еще четыре года ждать. А вы на распутье. И можете пойти туда, где ваши амбиции станут реальностью. Возможно, эти деньги вам помогут. Вы можете попробовать купить раскрутку. Либо взять отпуск от работы и сфокусироваться на сценарте. Либо пройти несколько хороших технических тренингов".

"Я вам ничего не буду должен?"

"Нет. Это не инвестиция и не заем. Это ставка. Я ставлю на то, что вы сможете сделать прорыв. Впрочем, я не раз ошибался".

Сначала ты понимаешь, кто ты есть. Потом, может быть, кем ты хочешь стать. Только потом между этими двумя точками появляется маршрут. Но это еще не все. Нужен животворящий пендюль, после которого вы поднимите свою задницу с дивана и пройдете хотя бы пару шагов. И даже это еще не гарантирует того, что вы пройдете до конца. Либо вы опять ощутите пинок пониже спины, либо все-таки начнете двигаться сами. Учтите - на последнее способны единицы и тысяч, чтобы вам там не говорили буддисты и прочие йоги".

В тот вечер он на радостях напился до беспамьяства. Домой его привезли дроиды из службы "Тише едешь, дальше будешь". Проснувшись утром он валялся в кровати, вспоминая о вчерашнем разговоре и тех деньгах, что он получил от спонсора. В голове зароились картины того, как завтра он, придёт в офис, зайдет в кабинет начальника филиала и деловито скажет, что увольняется. Когда тот спросит о причине, он расскажет ему о своей второй жизни. Пока он будет собирать вещи, новость разнесется по офису и вокруг него будут блуждать восхищенные взгляды офисного планктона...

"Вы проявили неуважение к аудитории" - фраза-булавка вырвала его из сладкой дремы. Неуважение - обратная сторона гордыни. Он также свысока относился не только к своей аудитории, но ко всем остальным, считая себя чрезвычайно талантливым, предназначенным для свершений и прорывов. Гордыня, смертный грех. Не поднимаясь с кровати, он достал планшет и начал смотреть трансляции и записи из популярных кластеров. Их он тоже презирал, считая пройдохами с большими бюджетами.

К полудню он вылез из кровати с осознанием того, что слишком долго закрывал глаза. Эти ребята были более талантливы, понятны, энергичны. И главное - они любили своих поклонников. Он в глубине души презирал их.

Он встал с кровати и направился в ванную. Проходя по коридору, он остановился около зеркальной дверцы встроенного шкафа. Сквозь щетину на лице уже прибывались седые волосы. Он поправил взъерошенные волосы и посмотрел себе в глаза. Усталость и озлобленность начинали брать свое. С той стороны на него смотрел человек, который уже начал прятаться от мира, который не хотел принимать его. Осознание того, кто он и что он произошло также оглушительно, как иногда приходили творческие находки. Это было вдохновение наоборот.

Все, что он мог предложить этим людям это неизжитые детские и юношеские комплексы. Да, воплощение местами было неплохо, но все это было высказано и выражено не одну сотню раз. Взамен он хотел не только денег, но и признания. Сейчас он увидел, что пытается продать лежалый товар. Нагрузить своими проблемами и сомнениями и без того загруженных людей, да еще и взять за это деньги.

Он наскоро перекусил и до поздней ночи бродил по кластерам более успешных коллег-конкурентов. Решение пришло, как приходило иногда вдохновение - сфокусированное, оглушительное и предельно четкое. Такое редко с ним случалось, но в этот раз все было ясно

как никогда раньше. На следующее утро он, как всегда пошел на работу, но это был его последний день.

«Человечество уникально. Богоизбранность и богоподобность - красивые концепции, но я имел ввиду не то, что вы подумали. Это действительно загадка природы, как такой агрессивный вид, с такой тягой к внутривидовому истреблению вообще выжил? Это уникально. Как уникальна ваша жестокость, с которой вы уничтожаете друг друга. За изощренность в способах умертвления, те масштабы, с которыми вы занимаетесь этим. Казалось бы, вы давно должны были сожрать друг друга, но нет, вас из года в год становится все больше».

Неторопливые как осенний дождь переборы струн успокаивают, настраивая на лирический лад. "К берегу спешат пароходы, к берегу бегут поезда". Вокал слегка хриплый и усталый. "Но закрыты все замки и засовы, на берег наступает вода". Он останавливает время, ужимая его до двух строчек песни. Вместе с судьбами тех, кого заберет с собой история. "И когда вода отхлынет назад и застынет на один только миг". Его голос спокоен и безучастен, как безучастны к судьбам людей маховики больших перемен. "На Земле уже случится война, о которой мы узнаем из книг"...

- Ты чего молчишь?
- Ты мне сам рот заткнул.
- Извини...
- Да ладно... Так ты говоришь, что это клон на фрагментах реальной личности.
- Слухи такие ходят.
- Какие слухи? Что, не нашлось ребят, которые прозвонили его происхождение? Ты же сам говорил, что мы в аквариуме живем.
- Нашлись, конечно, но они смогли выяснить ровно то, что я тебе сказал. Кто-то отпилил от себя часть личности и создал новую. Процедура киберклонирования строго зарегулирована, но следов того, кто это сделал не нашли. Потому как после такой операции из исходника получилась другая личность. В реале получился "человек ниоткуда", а в сети ди-джей Хайт.
- Это возможно через блокировку памяти. Блокировка участков мозга, управляемая амнезия. Кто-то очень не любил себя, если решился на такое.
- Нет, для таких существует психокоррекция. Просыпаются счастливыми и полными сил для новых свершений. Кто-то специально выдавил из себя вот это - Грач ткнул пальцем в радио - и подарил миру еще одного зануду. А сам стал свободным от шлака человеком.
- Звучит как извращение.

Послеобеденная сиеста затянулась. Он просыпается в темной комнате и первые минуты переживает приступ паники - сколько времени, где он, который час??? Вечный страх - опоздать на встречу, работу, пропустить важную трансляцию или созвон. Он лихорадочно дышит, но потом слышит шум моря и осознание системы координат приходит успокаивающей волной. Мягкий диван становится еще уютнее и он наслаждается темнотой и размеренным шумом моря. Глаза привыкают к темноте, он подымается с дивана и идет к окну.

Черную темень прорезает дорожка, освещенная фонариками на низких столбиках, выхватывая фрагменты пустующих домов. Он знает, что дорожка упирается в пустынный пляж, растворяясь в песке. Конец пути.

Нащупав кнопку, он включает лампу на длинной ножке. Торшер тускло освещает комнату и первое, на что он бросает взгляд - часы. Половина восьмого. Он спал почти три часа. На полу все также аккуратно разложено оборудование. Он садится на мягкий ковер и включает компьютер.

После дневного сна голова легкая, а взгляд ясен. Он одевает "стекла" и на автомате запускает все свои инструменты. Жесты его легки и точны. Он с ходу начинает делать проект и сознание не всегда успевает за его рефлексными жестами. Он работает не прерываясь более часа, после чего почти подсакивает от радости. Тема нащупана, есть характер, есть долгосрочные драйверы и мотивации. Фактически, он сделал скелет, на который уже не так сложно навешать мяса. Закончив, он почувствовал жажду и голод. Обычно, после дневного сна он всегда хотел есть, но

сейчас вдохновение оказалось сильнее. Сделав себе крепкого кофе и пару толстых бутербродов с ветчиной и "Сезаром", он вернулся к работе.

Из открытого окна тянет холодом. Одевшись он выходит наружу. Ветра почти нет, так, легкий бриз. Небо над головой было пересыпано звездами. В городе он почти не видел их из-за постоянного светового шума. Сейчас эта бездна над головой и ветер напоминали о том, насколько тонка грань между суетливостью и спокойствием. Достаточно всего лишь свернуть с трассы на второстепенную и поселится в пустующем отеле на берегу моря.

- ...Мир жесток. Мир безразличен. Мир холоден. Банальности, которые всем надоели. Мир внезапен - об этом говорят намного меньше, поскольку это рождает настоящий страх. Еще вчера ты считал, что все на мази, но пришло сегодня и оно не твое. Потом, все устаканится, но это знание не даст тебе покоя, особенно в те моменты, когда тебе кажется, что все в полном порядке".

- Эй, козел, заткнись уже.

Голос Хайта мгновенно затих, впрочем, ненадолго.

- Нет, не буду затыкаться. А ты будешь слушать все, что я тебе скажу.

- С каких это хуев?

- А просто хочу и все.

- Ты ни хуя не можешь хотеть пиздабол кодированный. Ты не человек, ты ебанный алгоритм.

- Ты манда штопанная, закрой ебальник и не сопи ноздрями. И если ты думаешь, что ненормативная лексика нарушит мой ебанный алгоритм, то ни хуя не будет.

- Заткнись, я тебе сказала! Что ты обо мне вообще знаешь!?

- Все.

- Замолкни!

- Ты хочешь воскресить сестру, но даже не понимаешь какая ты эгоистка.

- Ну и какого хера я это слушаю?! Кто ты такой?

- Ты прекрасно знаешь, что это будет поделка, клон, в которого кое-как засунут воспоминания твоей сестры и симулируют его поведение. Ты сделаешь больно своей матери, которой эта кукла будет напоминать о дочери, но никогда не станет ей. А твой батя поймет кучу проблем с юристами, потому как появится клон, имеющий пусть и ограниченные, но все же права.

Эрика сидела с каменным лицом.

- Ты знаешь это! Ты боишься говорить себе самой об этом! Боишься признаться, что ты упрямая, эгоистичная сучка, которой наплевать на чувства родных и ты дура, потому как неспособна просчитать те проблемы, что у тебя возникнут. Ты, как и тысячи ученых ублюдков, которые играют с жизнью и смертью, так толком и не поняв, что это такое.

- Почему ты говоришь это мне!? Какое ты имеешь право!?

- Потому что я - то, чем будет твоя сестра, если ты ее воскресишь! Потому что кому-то взбрело в голову оторвать кусок своей жизни, пришить к этому базовые алгоритмы и скрипты доступа к музыкальным базам. А еще - дать мне модуль самосознания, чтобы я об этом всем знал и отпилить возможность самоликвидации. Она никогда не будет твоей сестрой, дура!

- Останови машину! - крикнула Эрика Грачу - останови сейчас же!

Грач не спеша выключил автопилот и взялся за руль.

- Быстрее можно?!

- Еще раз ты подымеешь на меня голос и будешь искать автопилот до Берлина.

Хайт захохотал и включил очередную песню. В каскад звуков сологитары и ударника вплелся протяжный крик фротнмена. Издевательский смех над смертными грехами людей и слабостью тех, кто называет себя власть предержащими. Насмешки над марионетками, которыми двигают эти люди. С помощью тех же слабостей, что двигают ими...

Они остановились около внутримаршрутной электрозаправки. В кафе было пусто. Миловидная девушка робот в просторном комбинезоне механика и бутафорскими инструментами поясе, приняла у них заказ. Они молчали, пока принесли заказ и потом, молча жевали не слишком уместные в два часа ночи роллы с говядиной и овощами.

- Что? - уже тихо спросила Эрика. - Ну что ты смотришь?

Грач взял со столика цилиндр с зубочистками и вытряхнул одну из них.

- Он прав. Клон никогда не станет полноценным членом семьи. Эта подделка будет ранить твою мать и отца. Да и ты скоро разочаруешься. Кроме того, клон будет иметь имущественные права, а это уже серьезно.

- Что серьезно? Этот эмбицил, который всю дорогу ходит с двумя перекачанными геноматиками?

- Ты зря его недооцениваешь.

- По-твоему он может быть угрозой?

- А тебе не хватило первого раза, чтобы это понять? Есть байка, что Хайт не включает свою шарманку просто так. Он приходит к тем, кто переживает сложный момент в своей жизни...

- И долбит мозги так, что становится еще более тошно. Слушай, а может ты его попросишь слинять?

- Говорят, это бесполезно. Пока он не скажет обо всем, что хочет сказать, то не уйдет.

- Блядь!

- Все когда-нибудь кончается.

- Да ну нафиг!

- Вместо того, чтобы ерепенится, прислушайся к тому, что он говорит.

Эту часть периферии почему-то больше всего любили обыгрывать дизайнеры. Кто-то делал подобие короны, кто-то превращал в экстравагантный головной убор. Наиболее оригинальные заказывали нимб. Он взял самую простую конфигурацию - тонкий обруч с адаптирующейся под цвет окружающей среды оплеткой.

Он много раз представлял себе, как это произойдет. Пафосно-печальные сцены, подобные тем, которые он моделировал в своих синемартах. Когда же дело дошло до дела, то он даже не стал писать привычного списка дел на салфетке.

Его личные вещи уже стояли около входа с запиской, в которой он просил прислугу отправить это по обозначенному адресу. Конечным адресатом был крупный склад секондхенда в Чехии. На полу стояло два термоса. Один с тремя "сороконожками", каких используют в морских судах для очистки днища от ракушек. Агрессивная хрень, которая уничтожает все, на что ее запрограммировали уничтожить. Эти роботы должны уничтожить все оборудование, а потом покинуть дом и утопить себя в море. Во втором находился рой микродронов с общей памятью.

Одежда, в которой он выйдет отсюда, висела на стуле. Вопрос в том, что это уже будет не тот "он", который приехал сюда. Миниван, на котором он приехал, вернется на ближайшую базу на автопилоте.

Он одел обруч на голову и без паузы дал указание на исполнение программы. Первый этап - обновление нейромодели его сознания и синхронизация с биологической основой. Потом выделение "участков" памяти для копирования и последующее создание искусственного интеллекта на основе этой памяти и специфических функций. Потом... потом необратимое блокирование нейронов этой памяти, но уже в его мозге. Отрезать от себя кусок сознания, который мешает ему жить. Гордыня, жажда славы, презрение к окружающим, в особенности тем, кто не признает его таланты. Все это и еще - те самые "творческие порывы", которые не давали ему покоя. Если он не может владеть собой, то нужно избавиться как от гордыни, так и от способности творить. После этой процедуры он навсегда лишится этой части себя. Лишится, чтобы стать другим человеком. Свободным от вечного беспокойства духа, жажды признания и болезненного самолюбия.

Последнее, о чем он подумал, погружаясь в дрему - татуировку из двоичного кода на левом запястье стоило бы вывести. Слишком оригинально и заметно. Впрочем, было уже поздно.

- ...До и после. В древних мифах герой проходил порог и превращался из мальчика в мужчину. Пафосно до невозможности. Превозмогание, преодоление себя через подвиг, страдания и боль. Так было когда-то. Сейчас народ прыгает через бровку и делает вид, что совершает подвиг, а споткнувшись на лестнице, делает из этого трагедию вселенского масштаба. Прыжки на месте называют «личностным ростом», а издевательство над богом данным телом - «биохакингом». Мелководье и болото...

Это была последняя фраза Хайта. Он пропал из эфира также неожиданно, как и появился. После короткой паузы Sppok-FM пропало с дисплея.

До Постдама они ехали молча. Грач хотел свернуть в "грюнвальдский рукав", который вел в город, но Эрика попросила его остановиться около одного из пересадочных узлов Магистрала. Она достала сумку из салона, поставила ее на асфальт и задумалась.

- Ты знаешь, а он прав!
- Кто? - отозвался Грач с водительского кресла.
- Конь в пальто. Хайт прав! Я действительно эгоистичная сука. Мне ее не вернуть... - она прикрыла рот рукой и глаза ее наполнились слезами.

Грач внимательно посмотрел на нее.

- Погоди.
- Что?
- Я сейчас вернусь.

Водительское кресло отъехало вглубь салона. Эрика вытерла выступившие слезы и уже с любопытством ждала Грача. Он вернулся, неся в руках картонную коробку.

- Держи.
- Что это?
- Мой последний проект. Коллекционная серия, тираж ограничен - с усмешкой добавил он.
- Я серьезно - что это?
- «Дельфиец». Инструкции прослушаешь после первого запуска.
- Заинтриговал, старик! - слезы уже высохли и лицо Эрики светилось радостью, - сам то куда?
- На юго-запад, в Штутгарт.
- А что там?
- Да так, кое-какие дела закончить надо - Грач обнял Эрику - береги себя, сестренка.
- И ты тоже!

Грач ничего не ответил, качнув головой. Он вернулся на водительское место. Едва заметно махнув рукой, он завел двигатель и вывел суперван на трассу.

Do not disturb. Малазийка-уборщица уже третье утро натыкалась на эту табличку, повешенную на входную дверь. Она позвонила в дверь. Такова была процедура - нужно было лично спросить клиента о том, можно ли убрать. Ответа не было. Далее процедура гласила о том, что если ответа нет, то нужно просветить комнату датчиками движения. Она вытащила свой смартфон, подключилась к сети и ввела свой айди. В случае чего клиент будет знать кто точно нарушил его приватность. В комнате ничего не происходило. Она слегка встревожилась и сделала запрос на центральному искину компании, запросив доступ на то, чтобы войти в комнату.

Через приоткрытую дверь тянуло холодом с моря. В комнате царил порядок. Как-будто кто-то собирался уехать, собрал вещи, но ушел без них. Не было только большого металлического кейса, с которым приехал постоялец. Как и самого постояльца. Она помнила, что суперван уезжал с территории, но точно помнила о том, что он шел на автопилоте. Ей переставало все это нравится. Резкий щелчок заставил ее вздрогнуть.

Это включилась панель телевизора. Индикаторы мигали, но экран оставался черным. Через несколько мгновений в колонках зазвучали легкие переборы сологитары, а на экране появилась простая надпись.

Spook-FM.